

мере два компонента — субъект и предикат, которые под воздействием языковой практики могут опускаться, но которые тем не менее всегда бронируют свое место. Следовательно, в СЛЯХ нет безличных, неопределенно-личных, обобщенно-личных и номинативных (назывных) предложений. Предложения в СЛЯХ могут быть бесподлежащими, но они не могут быть бессубъектными (включая субъектное подлежащее) и беспредикатными.

Возьмем, к примеру, предложения типа: акели *rate*, прабхат аур сандхйа *белае*, джалти *допахари* (Ч. Шастри) — «одинокие ночи, утренние и вечерние часы, догорающий полдень», которые относятся некоторыми авторами к назывным (см. [10, т. II, с. 234; 12, с. 173]). На самом деле здесь под воздействием языковой практики опущен бытийный глагол-связка настоящего времени. При отнесении действия к прошедшему или будущему временному плану бытийная связка никогда не опускается.

Предложенная нами типология простого предложения в СЛЯХ требует иной интерпретации главных компонентов предложения. В СЛЯХ, несомненно, имеются три главных компонента: субъект (С), циклическое подлежащее (ЦП) и предикат (П).

В интранзитивных конструкциях и в конструкциях с констатирующим бытийным глаголом *ха* (*хона*) — «быть» обязательными являются субъектное или циклическое подлежащее и предикат или послеложный субъект и предикат: *ларка сота хай* — «мальчик спит», *ларка гав ме тха* — «мальчик был в деревне», *вичар ачхе хоне чахийе* — «мысли должны быть хорошие», но *муджхе джана хай* «мне надо идти», *муджхе сойа нахи джата* — «мне не спится». В транзитивных конструкциях и в акцентированных конструкциях с личным субъектом, осложненным послелогом, наряду с субъектом и предикатом обязательным компонентом становится циклическое подлежащее: *ларке не китаб пархи* — «мальчик прочитал книгу», *китаб ларке двара пархи гайи* — «книга прочитана мальчиком», *ларке ко китаб ручти хай* — «мальчику книга нравится», *ларке ко кхед хай* — «мальчик опечален» (букв. «у мальчика есть печаль»).

Предложенная трактовка главных компонентов предложения выходит за рамки того понимания главных членов предложения, при котором термины «подлежащее» и «сказуемое» относятся к синтаксису структурному, а термины «субъект» и «предикат» — к синтаксису логическому (см., например, [33, с. 21]). Мы считаем, что термины «субъект» и «предикат» могут коррелировать с терминами «подлежащее» и «сказуемое», «агенс» и «паиенс», функционально совпадая с одним из них⁷.

Под субъектом нами понимается основной участник процесса, выбор которого обусловлен лексико-грамматической формой и семантическим наполнением предиката. При этом субъект сам может быть носителем предикативного признака (процессивного или результативного: *ларка ата хай* — «мальчик есть идущий», *ларка айа хай* — «мальчик есть пришедший», — а также констатирующего: *ларка бамбаи ме хога* — «мальчик будет в Бомбее»), и тогда его можно классифицировать как субъектное подлежащее, но он может делегировать этот признак (или наличие состояния) формальному (циклическому) подлежащему предложения, которое становится носителем предикативного признака: *ларке не китаб пархи* — «мальчик прочитал книгу» (букв. «мальчик + не книга прочитана») и т. п.

⁷ Разделяем позицию Н. Н. Слюсаревой, которая полагает, что в предложении «Джон разбил окно» «Джон» является и подлежащим, и субъектом, и темой, и агенсом [34, с. 36]. Очевидно, в принцип гомогенности не должен, по выражению В. М. Жирмунского, «очерчивать гвоздем» границы между различными уровнями синтаксиса [35], особенно в тех случаях, когда их нарушает конкретика того или иного языка. А как быть языкам, в которых нет слов «подлежащее» и «сказуемое»? Индийские ученые не считают, что термины *карта* — «деятель», «субъект», и *уддешья* — «подлежащее» относятся к разным уровням синтаксиса, и оперируют ими, исходя из практической целесообразности. Может быть, стоит согласиться с Э. Д. Поповой и ввести понятие «субъективов», куда входят и подлежащее, и субъект [36, с. 72].